Гасымова Хаджар Адил гызы,
д.ф.п., доцент кафедры международного публичного права
Бакинского государственного университета
E-mail: hecer.qasimova@gmail.com
ORCID ID:0009-0006-2131-7738
Алиев Вюсал Этибар оглу,
магистрант кафедры международного публичного права
Бакинского государственного университета
E-mail: vusal.aliev.2027@mail.ru
ORCID ID:0009-0006-4247-4548

УДК 341.4
DOI: https://doi.org/10.30546/2218-9130.060.2026.0105

РОССИЙСКО-УКРАИНСКАЯ ВОЙНА КАК КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОПОРЯДКА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ, ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И СИСТЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Açar sözlər: *beynəlxalq hüquq-mühafizə, institusional böhran, təzminat, əks tədbirlər, beynəlxalq hüququn parçalanması, universal yurisdiksiya, beynəlxalq təşkilatlar, sanksiya rejimləri, bövlət toxunulmazlığı, Rusiya, Ukrayna.*

Ключевые слова: *международный правопорядок, институциональный кризис, репарации, контрмеры, фрагментация международного права, универсальная юрисдикция, международные организации, санкционные режимы, государственный иммунитет, Россия, Украина.*

Keywords: *international legal order, institutional crisis, reparations, countermeasures, fragmentation of international law, universal jurisdiction, international organizations, sanctions regimes, state immunity, Russia, Ukraine.*

Введение

Российско-украинская война представляет собой не только вооружённый конфликт между двумя государствами, но и масштабное испытание для всей системы, сформированной после принятия Устава Организации Объединенных Наций (Charter of the United Nations) [1]. События 2022 года поставили под сомнение устойчивость институтов коллективной безопасности, универсальность международных норм и способность глобальных организаций обеспечивать правоприменение в отношении постоянного члена Совета Безопасности [1].

Цель исследования

Цель настоящего исследования — рассмотреть конфликт как фактор трансформации международного правопорядка и выявить но-

вые тенденции в развитии механизмов ответственности.

Глава I. Кризис институциональной архитектуры международной безопасности

Паралич Совета Безопасности и пределы права вето

Структура Совета Безопасности ООН предусматривает наличие пяти постоянных членов, обладающих правом вето [1]. Этот механизм был закреплён в Уставе ООН как политико-правовой компромисс, отражавший баланс сил после Второй мировой войны. Предполагалось, что эффективная система коллективной безопасности возможна лишь при согласии великих держав, поэтому их особый статус рассматривался как гарантия стабильности международного порядка [1].

Однако российско-украинский конфликт продемонстрировал уязвимость данной конструкции. Государство, являющееся стороной вооружённого противостояния, сохраняет возможность блокировать резолюции, направленные на квалификацию его действий и принятие мер принудительного характера [2]. В результате возникает институциональный парадокс: орган, на который возложена ответственность за поддержание международного мира и безопасности, оказывается неспособным реагировать на серьёзные нарушения, если они связаны с одним из его постоянных членов [1].

Юридическая проблема при этом не заключается в отсутствии нормативных запретов. Запрет угрозы силой и её применения закреплён в статье 2(4) Устава ООН [1] и рассматривается в международно-правовой доктрине как норма императивного характера (jus cogens) [3]. Следовательно, кризис имеет институционально-процедурную природу: система содержит фундаментальные принципы, но не располагает эффективным механизмом их реализации в условиях конфликта интересов среди ключевых акторов.

В доктрине международного права обсуждается вопрос о пределах осуществления права вето. Формально Устав не содержит ограничений даже в ситуации, когда постоянный член является стороной конфликта [1]. Тем не менее предлагается интерпретировать данное полномочие через призму принципа добросовестности и запрета злоупотребления правом [4]. Использование права вето вопреки целям и принципам Организации Объединенных Наций ставит под сомнение соответствие такого духу и целям Устава ООН.

Одновременно пересмотр существующего порядка требует внесения поправок в Устав, что возможно лишь при согласии самих постоянных членов [1]. Тем самым формируется институциональный замкнутый круг: изменение процедуры зависит от воли субъектов, заинтересованных в сохранении статус-кво.

Следствием подобной ситуации становится снижение авторитета Совета Безопасности как центрального элемента системы коллективной безопасности. Неспособность принять обязательные решения подрывает доверие к универсальному механизму принуждения и стимулирует государства к поиску альтернативных форм реагирования вне рамок Совета [1], что в долгосрочной перспективе ослабляет институциональное единство международной системы безопасности.

Усиление Роли Генеральной Ассамблеи

В условиях блокирования решений Совета Безопасности активизировалась деятельность Устава Организации Объединенных Наций (United Nations General Assembly) [1]. Особое значение приобрёл механизм «Единство ради мира», разработанный в середине XX века как средство реагирования на институциональный тупик [5]. Его применение в рамках чрезвычайной специальной сессии

позволило вынести вопрос на уровень всего международного сообщества.

Резолюции Ассамблеи подтвердили приверженность принципу территориальной целостности и непризнание аннексии территорий [6]. Несмотря на рекомендательный характер таких актов, их правовое значение нельзя недооценивать. Они фиксируют позицию большинства государств и формируют коллективную оценку происходящего. В международном праве, где значительную роль играют обычные нормы, именно согласованная практика государств и их убеждённость в юридической обязательности (opinio juris) становятся источником правового развития [7].

Следовательно, активизация Ассамблеи представляет собой не просто символический жест, а форму институциональной компенсации. При отсутствии обязательных решений Совета Безопасности создаётся альтернативная площадка для выражения коллективной воли. Это перераспределяет институциональный вес внутри системы ООН и усиливает значение универсального представительства государств.

Таким образом, усиление роли Ассамблеи свидетельствует о гибкости международной системы. Несмотря на структурные ограничения, она способна адаптироваться за счёт перераспределения функций между органами. Это не устраняет институциональный кризис полностью, но снижает его деструктивный эффект.

Региональные организации и коллективная солидарность

Особую роль в условиях институционального паралича глобального уровня сыграли региональные объединения, прежде всего Совет Европы. (European Union)[1]. Реакция Европейского союза выразилась в последовательном принятии санкционных пакетов, координации экспортного контроля, финансовой поддержке Украины и предоставлении макрофинансовой помощи [2].

Регионализация механизмов ответственности демонстрирует тенденцию к децентрализации международного правоприменения. Если универсальный механизм оказывается неспособным к оперативному реагированию, региональные структуры берут на себя часть функций по поддержанию международного правопорядка. Это отражает эволюцию системы безопасности от строго централизованной модели к более сетевой и многоуровневой архитектуре [3].

Следует подчеркнуть, что действия региональных организаций не подменяют универсальные нормы, а реализуют их в иной институциональной форме. Санкционные режимы, основанные на коллективных решениях государств региона, направлены на обеспечение соблюдения принципов, закреплённых в Уставе ООН [1]. Таким образом, возникает своеобразная «многоуровневая солидарность», при которой ответственность за поддержание международного порядка распределяется между глобальными и региональными акторами.

Одновременно такая тенденция порождает новые вопросы. Усиление региональных механизмов может привести к фрагментации международного права, если различные объединения будут применять различные стандарты и критерии оценки. Однако в рассматриваемом случае наблюдается, напротив, консолидация вокруг базовых принципов — территориальной целостности и запрета применения силы [1].

В итоге кризис институциональной архитектуры международной безопасности проявляется не только как паралич одного органа, но и как процесс трансформации всей системы. Совет Безопасности сохраняет формальный приоритет, однако реальная динамика

правоприменения всё чаще переносится на уровень Генеральной Ассамблеи и региональных организаций [1]. Это свидетельствует о том, что международный правопорядок переживает стадию адаптации к новым геополитическим условиям, сохраняя нормативное ядро, но изменяя способы его реализации.

Глава II. Репарации, конфискация активов и трансформация института государственного иммунитета

Правовая природа репараций

Международное право закрепляет обязанность государства возместить ущерб, причинённый международно-противоправным деянием. Данная норма кодифицирована в Проекте статей о международной ответственности государств, принятом Комиссией международного права в 2001 году [4]. Согласно этим положениям, ответственность государства предполагает не только прекращение противоправного поведения, но и полное возмещение причинённого вреда — в форме реституции, компенсации и сатисфакции [4].

Репарации выступают юридическим следствием установленного факта нарушения. Их назначение — восстановление положения, существовавшего до совершения противоправного деяния, либо компенсация ущерба, если реституция объективно невозможна. В теории международного права закреплён принцип полного возмещения (full reparation), сформулированный ещё в практике Постоянной палаты международного правосудия [5].

В контексте российско-украинской войны вопрос репараций приобрёл не только юридическое, но и системное значение. Масштаб разрушений инфраструктуры, утраты частной и государственной собственности, а также гуманитарный ущерб требуют выработки эффективного компенсационного механизма. При этом обсуждение ведётся в условиях отсутствия универсального судебного решения, устанавливающего окончательный объём обязательств.

Особую сложность представляет соотношение двух фундаментальных принципов:

• принципа международной ответственности;

• принципа иммунитета государства от принудительных мер [6].

С одной стороны, государство, совершившее международно-противоправное деяние, обязано компенсировать причинённый вред [4]. С другой — суверенный иммунитет традиционно защищает государственные активы от принудительного взыскания в иностранных юрисдикциях [6]. Таким образом, возникает коллизия между необходимостью обеспечить реализации международной ответственности и сохранением основ суверенного равенства государств [1].

Данная коллизия усиливает дискуссию о пределах иммунитета в случаях грубых нарушений императивных норм международного права. Если запрет агрессии относится к нормам jus cogens [3], возникает вопрос: может ли иммунитет использоваться как инструмент уклонения от ответственности за такие нарушения? Ответ на него определяет направление трансформации всей системы международной ответственности.

Конфискация активов: допустимость и пределы

Замораживание резервов Центрального банка России и иных государственных активов в иностранных юрисдикциях стало беспрецедентным шагом в современной практике. Речь идёт о значительных финансовых ресурсах, размещённых в зарубежных банках и инвестиционных инструментах. Первоначально данные меры носили характер временной блокировки, направленной на ограничение доступа к активам в рамках санкционного режима [15].

Однако юридическая дискуссия сосредоточена на более сложном вопросе: может ли временное замораживание трансформироваться в окончательную конфискацию без решения универсального международного судебного органа [13].

Классическая доктрина суверенного иммунитета различает иммунитет от юрисдикции и иммунитет от принудительного исполнения [13]. Даже если суд вправе рассматривать спор, обращение взыскания на государственное имущество допускается лишь при соблюдении строгих условий. Центральные банки, как правило, пользуются повышенной защитой, что подтверждается национальным законодательством многих государств [13].

Если практика конфискации будет признана допустимой на основании тяжести совершённого международного правонарушения, это приведёт к трансформации традиционного понимания иммунитета [7]. Возможна эволюция от абсолютной защиты к модели «условного иммунитета», при которой серьёзные нарушения международного права могут служить основанием для ограничений.

В то же время существует риск создания прецедента, который может быть использован в иных политических конфликтах [15]. Ослабление иммунитета способно повлиять на стабильность международной финансовой системы, поскольку государства будут учитывать вероятность ареста резервов при размещении активов за рубежом.

Таким образом, вопрос конфискации выходит за рамки конкретного конфликта и затрагивает основы международного экономического порядка. Баланс между ответственностью и финансовой стабильностью становится центральной проблемой современной дискуссии [15].

Международный реестр ущерба и перспективы компенсационного механизма

Под эгидой Совет Европы (Council of Europe) был создан международный реестр ущерба, причинённого агрессией против Украины [6]. Его задача заключается в фиксации доказательств материальных потерь, разрушений и иных форм вреда, нанесённого физическим и юридическим лицам.

Реестр не является судебным органом и не принимает решений о выплатах. Однако он формирует доказательственную базу, которая может стать основой будущего компенсационного механизма. В этом смысле он выполняет подготовительную функцию, систематизируя информацию и создавая институциональный каркас для последующего распределения средств [7].

Перспектива создания компенсационной комиссии нередко сравнивается с моделью, реализованной после войны в Персидском заливе, когда под эгидой ООН действовал специальный орган по рассмотрению требований о возмещении ущерба. Однако нынешняя ситуация отличается отсутствием решения Совета Безопасности, что требует поиска альтернативных правовых оснований [1].

Возможный механизм может включать:

• формирование международного компенсационного фонда;

• использование доходов от замороженных активов;

• многостороннее соглашение государств о распределении средств [7].

Такой подход свидетельствует о постепенной институционализации новой модели международной компенсационной ответственности, не полностью зависящей от решений универсальных органов.

В более широком контексте создание реестра отражает тенденцию к документированию нарушений и укреплению доказательной

базы международных требований. Это усиливает правовой характер международных отношений, даже в условиях котсутствия немедленного принудительного механизма [16].

В итоге трансформация института государственного иммунитета и развитие механизмов репараций демонстрируют эволюцию международного права в ответ на крупномасштабные нарушения. Система стремится сохранить баланс между принципом суверенного равенства и необходимостью обеспечить реальное восстановление нарушенных прав, что определяет направление её дальнейшего развития [7].

Глава III. Фрагментация международного права и новые формы ответственности

Универсальная юрисдикция судов

В условиях ограниченной эффективности универсальных механизмов всё более заметную роль начинают играть национальные судебные органы. Ряд государств инициировал расследования предполагаемых международных преступлений на основании принципа универсальной юрисдикции [14]. Данный принцип предполагает возможность привлечения к ответственности за наиболее тяжкие международные преступления — такие как военные преступления, преступления против человечности и геноцид — независимо от места их совершения и гражданства обвиняемого или потерпевшего.

Универсальная юрисдикция опирается на идею того, что определённые преступления затрагивают интересы всего международного сообщества [13]. Следовательно, любое государство вправе выступить в роли гаранта международной законности. Такая модель представляет собой форму децентрализованного правоприменения, при которой ответственность реализуется не через единый глобальный институт, а через совокупность национальных механизмов.

Практическая реализация универсальной юрисдикции усиливает фрагментацию международного права [16]. Разные государства используют собственные процессуальные нормы, стандарты доказывания и интерпретации международных обязательств. Это может привести к различиям в квалификации одних и тех же деяний.

Тем самым формируется новая модель ответственности, в которой международное право действует через внутренние правовые системы государств. Такая тенденция усиливает интеграцию международных норм в национальные законодательства и способствует развитию практики их прямого применения.

Роль Международного уголовного суда

Важным элементом современной системы ответственности является деятельность Международный уголовный суд (International Criminal Court) [4]. Юрисдикция Суда была активирована на основании признания Украиной его полномочий, что позволило начать расследование предполагаемых международных преступлений, совершённых на её территории.

Выдача ордеров на арест в 2023 году стала значимым прецедентом: международная уголовная юстиция применяется к представителям государства, обладающего статусом ядерной державы, в условиях продолжающегося вооружённого конфликта [11]. Данный шаг имеет не только процессуальное, но и символическое значение. Он подтверждает, что принцип индивидуальной уголовной ответственности не зависит от политического веса государства.

Одним из ключевых вопросов является соотношение международной уголовной юрисдикции и института иммунитета высших должностных лиц [13]. Традиционная доктрина международного права признаёт иммунитеты глав государств и иных высоко-

поставленных представителей в рамках межгосударственных отношений. Однако практика международных уголовных трибуналов и МУС демонстрирует тенденцию к ограничению этих иммунитетов в случае совершения международных преступлений.

Тем самым усиливается принцип персонализации ответственности [4]. Международное право постепенно отходит от исключительно государственно-центричной модели и признаёт возможность привлечения к ответственности конкретных физических лиц. Это снижает риск безнаказанности и формирует дополнительный сдерживающий эффект.

В то же время эффективность МУС зависит от сотрудничества государств [4]. Отсутствие универсального участия в Римском статуте и сложность исполнения ордеров на арест сохраняют структурные ограничения. Тем не менее сама активизация судебного механизма подтверждает эволюцию международного права в сторону укрепления институтов уголовной юстиции.

Информационно-кибернетическое измерение конфликта

Современные вооружённые конфликты выходят за пределы традиционного физического поля боя. Существенную роль играют кибератаки, информационные операции, вмешательство в цифровые коммуникации и воздействие на критическую инфраструктуру. Эти формы противоборства ставят перед международным правом новые вопросы [16].

Основная проблема заключается в определении применимости существующих норм к цифровому пространству. Международное гуманитарное право исторически разрабатывалось применительно к кинетическим средствам ведения войны [2; 3]. Однако большинство современных доктринальных подходов сходятся во мнении, что если кибероперация вызывает последствия, сопоставимые с физическим разрушением — например, вывод из строя энергетических объектов или медицинских систем, — она подпадает под действие действующих норм.

Таким образом, критерий оценки переносится с характера средства на характер последствий. Если цифровое воздействие приводит к разрушению объектов или причинению вреда гражданскому населению, оно должно оцениваться в рамках принципов различения, соразмерности и военной необходимости [2; 3].

Информационные операции, направленные на дестабилизацию общественного порядка или вмешательство в демократические процессы, также формируют новое измерение конфликта. Возникает вопрос о границе между законной пропагандой, недружественными действиями и вмешательством, нарушающим принцип невмешательства во внутренние дела государства [13].

Развитие киберизмерения усиливает фрагментацию международного права, поскольку государства по-разному интерпретируют порог применения силы в цифровой сфере [15]. Отсутствие универсального договора, прямо регулирующего кибервойну, приводит к формированию норм преимущественно через практику и доктрину.

В целом, появление новых технологических форм противоборства демонстрирует адаптивность международного права. Несмотря на отсутствие специальных соглашений, существующие принципы постепенно распространяются на цифровое пространство [16]. Это подтверждает, что фрагментация не означает распада системы, а отражает её усложнение и многослойность в условиях современной глобальной трансформации.

Глава IV. Международная правовая солидарность и будущее глобального порядка

Концепция солидарности как ответ на агрессию

Российско-украинский конфликт способствовал формированию устойчивой практики коллективной поддержки государства, подвергшегося вооружённому нападению [1; 6]. Эта поддержка проявляется в различных формах: предоставление военной помощи, гуманитарные программы, финансовые инструменты макроэкономической стабилизации, участие в восстановлении разрушенной инфраструктуры.

Подобная практика выходит за рамки традиционного нейтралитета и демонстрирует формирование более активной модели международного взаимодействия [14]. Государства не ограничиваются политическими заявлениями, а принимают конкретные меры, направленные на восстановление нарушенного правопорядка [7].

В теоретическом плане это позволяет говорить о постепенном становлении доктрины международной правовой солидарности. Суть данной концепции заключается в признании того, что грубые нарушения основополагающих норм международного права затрагивают интересы всего международного сообщества. Следовательно, и реакция на них не может быть исключительно двусторонним делом между агрессором и жертвой [13].

В более широком контексте концепция солидарности может трансформироваться в принцип, предполагающий обязанность государств содействовать восстановлению нарушенного международного порядка. Такой подход усиливает значение коллективной ответственности за поддержание мира и безопасности и дополняет классический принцип невмешательства идеей совместной защиты фундаментальных норм [1].

Реформа Совета Безопасности: юридическая перспектива

Одним из центральных вопросов будущего глобального порядка остаётся реформирование Совета Безопасности ООН (United Nations Security Council) [1]. Конфликт выявил структурные ограничения существующей модели, прежде всего связанные с применением права вето.

В научной и дипломатической среде обсуждаются предложения по добровольному ограничению использования вето в случаях массовых нарушений международного права, а также инициативы по расширению состава постоянных и непостоянных членов. Предлагаются различные модели — от введения дополнительных региональных представителей до создания механизма приостановления вето при наличии квалифицированного большинства голосов [13].

Юридическая реализация таких изменений требует внесения поправок в Устав Организации Объединённых Наций **(** Charter of the United Nations) [1]. Процедура пересмотра Устава предполагает ратификацию всеми постоянными членами Совета Безопасности, что существенно осложняет реформу. Таким образом, формируется институциональный парадокс: необходимость изменений признаётся многими государствами, но их осуществление зависит от согласия субъектов, обладающих наибольшими привилегиями в существующей системе.

Тем не менее сама дискуссия о реформе свидетельствует о понимании того, что институциональная структура, созданная в середине XX века, сталкивается с вызовами XXI века. Даже без немедленных изменений обсуждение ограничений вето и расширения представительства отражает стремление адаптировать систему коллективной безопасности к современным геополитическим реалиям.

Долгосрочные последствия для международного правопорядка

Российско-украинская война стала фактором ускоренной трансформации международного правопорядка [16]. Наблюдаются следующие долгосрочные тенденции:

• институциональная децентрализация правоприменения;

• усиление роли региональных механизмов;

• развитие и усложнение санкционных инструментов;

• переосмысление объёма государственного иммунитета;

• расширение практики международной уголовной ответственности.

Институциональная децентрализация выражается в перераспределении функций между универсальными и региональными структурами, а также в активизации национальных судов. Усиление региональных механизмов демонстрирует способность объединений государств оперативно реагировать на кризисы, компенсируя ограничения глобальных институтов [14].

Развитие санкционной практики формирует новую правовую реальность, в которой экономические меры становятся ключевым инструментом давления и принуждения. Одновременно дискуссии о конфискации активов и репарациях способствуют трансформации классических представлений о суверенном иммунитете [7].

Расширение международной уголовной ответственности, в том числе через деятельность International Criminal Court [1], усиливает принцип персонализации ответственности и снижает абсолютность иммунитетов высших должностных лиц [4;11].

В совокупности эти процессы свидетельствуют о том, что конфликт выступил катализатором глубокой эволюции международной системы. Речь идёт не о разрушении существующего порядка, а о его адаптации к новым вызовам. Международное право сохраняет своё нормативное ядро — запрет агрессии, принцип суверенного равенства и уважение прав человека, — однако способы реализации этих принципов становятся более сложными, многоуровневыми и гибкими [1; 15].

Таким образом, будущее глобального порядка будет определяться способностью международного сообщества сочетать институциональные реформы с развитием практики солидарности и ответственности. Конфликт продемонстрировал уязвимости системы, но одновременно подтвердил её способность к трансформации и поиску новых форм обеспечения международной законности.

Анализ российско-украинского конфликта показывает, что современная международная система сталкивается с двойственным вызовом: формальное соблюдение норм международного права и реальное влияние политической воли государств. Конфликт выявил структурные ограничения ключевых институтов — Совета Безопасности, механизма коллективной безопасности и традиционных представлений о суверенном иммунитете — и одновременно продемонстрировал возможности для их трансформации через региональные объединения, международные суды и санкционные инструменты [1; 14].

Важным выводом является то, что международное право сохраняет своё значение как универсальный стандарт, способный формировать ответственность и солидарность, даже в условиях масштабной войны [13]. Однако его эффективность напрямую зависит от готовности государств сотрудничать, уважать принципы коллективной безопасности и внедрять новые формы правоприменения [1]. Конфликт в Украине стал индикатором необходимости сочетания нормативной строгости

с гибкостью механизмов правового реагирования, открывая путь к переосмыслению глобального порядка XXI века [16].

Заключение

Исследование показывает, что российско-украинская война представляет собой не только акт агрессии, но и системный кризис международного правопорядка.

Паралич Совета Безопасности, активизация Генеральной Ассамблеи, роль региональных организаций, развитие механизмов репараций и универсальной юрисдикции демонстрируют эволюцию международного права в условиях геополитической конфронтации.

Несмотря на ограничения, международное право продолжает функционировать как нормативная основа глобального порядка. Конфликт ускорил институциональные и доктринальные изменения, которые могут определить развитие международной системы в XXI веке.

Список использованной литературы:

1. Устав Организации Объединённых Наций. Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.С. 3–25

2. Женевские конвенции. Женева, 12 августа 1949 г.С. 15–120

3. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям. Женева, 8 июня 1977 г.С. 10–80

4. Римский статут Международного уголовного суда (с Кампальскими поправками 2010 г.). Рим, 17 июля 1998 г.С. 25–90

5. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 3314 (XXIX) «Определение агрессии», 14 декабря 1974 г.С. 1–5

6. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН ES-11/1 «Агрессия против Украины», 2 марта 2022 г. С. 1–3

7. Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Комиссия международного права, 2001 г.С. 30–45

8. Будапештский меморандум о гарантиях безопасности, 5 декабря 1994 г.С. 1–4

9. Международный Суд ООН. Дело «Военная и военизированная деятельность в Никарагуа против США» (Nicaragua v. United States). Решение, 1986 г.С. 90–120

10. Международный Суд ООН. Дело «Украина против Российской Федерации» (обеспечительные меры). Определение, 2022 г.С. 10–25

11. Международный уголовный суд. Дело «Прокурор против Владимира Путина». Ордер на арест, 17 марта 2023 г. С. 1–6

12. Европейский суд по правам человека. Межгосударственные дела «Украина против России» (на рассмотрении) С. 1–10

13. Кроуфорд Дж.Принципы международного публичного права (Brownlie’s Principles of Public International Law). 9-е изд. Oxford University Press, 2019.С. 45–60

14. Шоу М.Международное право (International Law). 8-е изд. Cambridge University Press, 2017.С. 120–150

15. Грей К.Международное право и применение силы (International Law and the Use of Force). 4-е изд. Oxford University Press, 2018.С. 200–230

16. Комиссия международного права. Доклад «Фрагментация международного права», 2006 г.С. 5–40

Qasımova Həcər Adil qızı,
h.ü.f.d, Bakı Dövlət Universitetinin
Beynəlxalq ümumi hüquq kafedrasının dosenti
Əliyev Vüsal Etibar oğlu,
Bakı Dövlət Universitetinin Beynəlxalq ümumi
hüquq kafedrasının magistrantı

RUSİYA–UKRAYNA MÜHARİBƏSI BEYNƏLXALQ HÜQUQ QAYDASININ BÖHRANI KİMİ: İNSTİTUSİONAL, DOKTRİNAL VƏ SİSTEM ASPEKTLƏRI

XÜLASƏ

Bu məqalə Rusiya–Ukrayna müharibəsinin müasir beynəlxalq hüquq qaydasına yönəlmiş sistemli çağırış kimi təhlilinə həsr olunmuşdur. Münaqişəyə ənənəvi olaraq yalnız gücdən istifadə qadağası və beynəlxalq humanitar hüquq prizmasından yanaşılmasından fərqli olaraq, məqalədə qlobal idarəetmə mexanizmlərinin institusional transformasiyası, beynəlxalq hüququn fraqmentasiyası problemi, regional təşkilatların rolu, təzminat məsələləri, aktivlərin müsadirəsi və beynəlxalq hüquqi həmrəylik konsepsiyası araşdırılmışdır. Tədqiqat göstərir ki, sözügedən münaqişə yalnız təcavüz aktı nümunəsi deyil, eyni zamanda beynəlxalq məsuliyyət mexanizmlərində baş verən dəyişikliklərin katalizatoru kimi çıxış etmişdir.

Gasimova Hajar Adil,
PhD, Associate Professor, Department of
International Public Law, Baku State University
Aliev Viusal Etibar,
Master's student, Department of Public
International Law, Baku State University

THE RUSSIA–UKRAINE WAR AS A CRISIS OF THE INTERNATIONAL LEGAL ORDER: INSTITUTIONAL, DOCTRINAL AND SYSTEMIC ASPECTS

SUMMARY

This article is devoted to the analysis of the Russia–Ukraine war as a systemic challenge to the contemporary international legal order. Unlike the traditional approach, which examines the conflict primarily through the prism of the prohibition of the use of force and international humanitarian law, the article focuses on the institutional transformation of global governance mechanisms, the problem of fragmentation in international law, the role of regional organizations, issues of reparations, confiscation of assets, and the concept of international legal solidarity. The study demonstrates that the conflict constitutes not only an act of aggression, but also a catalyst for transformations in the mechanisms of international responsibility.

Redaksiyaya daxilolma tarixi: 25.04.2026
Təkrar işlənməyə göndərilmə tarixi: 22.06.2026
Çapa qəbul olunma tarixi: 22.06.2026